

Нина, милая, жена моя,

Каждое из последних писем и открыток, включая детские, как то особенно ободряюще и успокаивающе действовали на меня; и приходили они регулярно, не позже как через день одно от другого. Спасибо вам за это. Вчера опустил в почт. ящик лагеря письмо и открытку Юре и письмо Ирине. Мне грустно так, что я обидел Юру, послав письмо ему с опозданием на 10 дней, хотя помнил об этом письме за месяц...

Затуманилась моя память, всегда была плохая на даты; поэтому ты перечисли как-нибудь в письме те даты, которые у нас в семье отмечаются...

Неожиданно сегодня получил от тебя переводом 40 рублей; благодарю тебя; понимаю, как не легко их выделять из бюджета; прислала же ты их кстати – предстоит переход; на всякий случай иметь деньги стоит; а зарплату за сентябрь могут и не выдать еще; хоть все надеются на ее выдачу нынче-завтра... Все признаки и разговоры говорят за переезд отсюда дня через 3-4, в высказываемых предположениях о том, куда нас двинут, всех или не всех, чаще всего упоминают Архангельск и Кулойлаг (через «Печки»).

Осень стояла сухая; сегодня мороз; мы отдохнули, т.к. назначения на работу не было для нашей бригады; и очень кстати; т.к. вчера работали за 17 клм, устали; поздно вернулись; что то задержался пароход; об этом я уже написал Юре. Сегодня вечером я впервые надел валенки; тепло в них; и шапку. Вообще, одет я тепло, особ сравнительно с большинством; некоторые – очень легко не по погоде; но простуд мало: только многие кашляют, да и то от части от куренья; сейчас ночь в палатке кашель непрерывный...

Так же исключительно то внимание, которое выпадает на мою долю от тебя и всех вас – в виде писем, посылок и переводов; таких людей и их семей – 2-3% к здешнему составу з,к объясняется это, вероятно, тем, что сидят в большинстве по 162 и 35 статьях (бытовые).

10.X. Я сдал в отправку свое заявление верховному прокурору СССР. Насколько мне известно, порядок такой: заявление пересылается в управление (штаб) Арханг. И.Т.К.; там пробывает долго, почему то, не меньше месяца; оттуда идет по назначению, а составитель заявления получает уведомление, что заявление его направлено, куда следует; иногда через месяца два или более приходит другое извещение, что заявление перенаправлено, ну, например, из одной прокуратуры в другую... Так и я ждать буду и этих извещений, а м.б. ответа более определенного месяца через четыре, так примерно к годовщине ареста – 10.I.39... а потом буду перестраивать все семейные даты, относя к ним свои надежды, как относил я несбывшиеся надежды на освобождение, когда сидел во внутренней тюрьме НКВД в этом году. Тогда я был так близко от вас, через несколько улиц, и так далеко; теперь – дальше по расстоянию, но ближе хоть бы потому, что мы имеем маленькую возможность письмами разговаривать друг с другом... И за то спасибо; как нужны эти письма...

Меня очень тронула фраза Ириночки, приведенная Юрой в письме ко мне, - «Жаль, что папины письма кончились», милая дочка; и у сына есть чуткость... Хороши наши [вымарка]дети. В Ирусиных письмах заметна обстоятельность, подробность исчерпывающих описаний; манера так сказать гончаровского образца, немного медлительная, растянутая, но обстоятельно передающая и картину, переживания... У Юрия склонность – к эпизодическому описанию; пожалуй, как и у меня... Да, растут; и растут быстро; и если я запоздаю приехать...

11.X.38- днем. С утра ходили в баню; сперва стриглись; я опять без бороды и усов; говорят: помолодел до неузнаваемости... Я все еще выгляжу, д.б., моложе своих лет... Вчера вечером были собрания по бригадам; обсуждалось значительное обращение о стахановском завершении сплава. Говорили, что лесоматериалов для сплава осталось

тысяч шестьдесят кубометров, т.е. дней на 5-6 работы; видимо, числа 16-го нас или часть из нас, здесь не будет; а вскоре выбудут и остальные...

Ты правильно сделаешь, если воздержишься посылать мне посылку, я с трудом доведу то, что имею; да и не нуждаюсь ни в чем; одеяло было нужно; но хорошо, что его не было в той грязи, в какой пришлось жить; вероятно и постель и одеяло будут отдельные в том лагере, куда бы нас не отвезли. Со вчерашнего дня стал носить черные брюки (от костюма); старые изорвались в клочья; так и ходил; починка действовала на день; да и чинить было некогда и темно; изнашивается и пиджак; вероятно выдадут ватную «фуфайку» как здесь называют, когда прибудем в другое место; Здесь выдавали, но не всем; а я не добивался и не просил даже, обходился; и так я одет лучше многих, многих. Хорошо греет Ирусин шарфик. Зинину фуфайку еще не носил, белье рвется, но поддается починке; пока не нужно; казенного же еще тоже не брал. Пишу подробно, чтобы ты не беспокоилась; и чулки шерст. мне не нужны; есть.

(на полях) М.б. есть возможность начать учиться Юре игре на пианино? а то дальше будет все ближе к поздно... хорошо бы ему постичь хоть дилетантскую игру, чтобы лучше понимать музыку.

Я писал про присылку табаку; но кажется их с обратным уведомлением «не бывает»; тогда не трудись или зашли таким же письмом; узнай на почте... Денег из Котласа я не затребовал больше; отложил до переезда; м.б. еще придется ехать через Котлас; а если в Архангельск – то уж напишу оттуда.

Я думаю, что это письмо придет уже при Зине; тогда пусть она узнает о моей благодарности; ее подарок будет мне постоянно напоминать ее, ее добрую, деятельную натуру. И Лиде скажи еще не раз, что я хорошо представляю, как хорошо, как охотно она заботится о наших детях, как думает часто о том, чтобы сделать им приятное, или нужное, как своим. – Да, в дружбу родных – верить можно... А как это дорого, когда веры остается мало в людей...

Я бы хотел, чтобы встретились у вас Зина и Верушка милая. Когда представляешь такие встречи, то становится приятно, и даже не завидуешь; так часто это представляется о хорошем.

Ну, конечно. Писал бы еще, но не ловко удлинять и без того длинное письмо.

Давно не писал маме П.П.; передай сама ей мой привет. И бабушке Саше; Лене; Юре П. и Оле.

Обними меня, родная
Евген(?) – твой муж.